

Цзян Жуй покачала головой и сделала небольшой шаг назад:

— Я не могу принять это, ты можешь забрать свои слова обратно.

— Тебе это не нравится? — Чжао Нань слегка нахмурился.

— Не то, чтобы мне это не нравилось, ты должен забрать это обратно и подарить своей семье, чтобы они были счастливы.

Чжао Нань угрюмо сказал: — Я купил это для тебя, — он указал на три шарфа в своей руке: — Это для них.

Чжан Сяохуа взглянула на матерчатый пакет. Кроме четырех шарфов, там были две большие упаковки фруктовых конфет и ириски. Хотя она немного желала их, они действительно не могли этого принять.

Если посмотреть на это с другой стороны, то, если бы она была из семьи Чжао, ее сын уже дарил большие и маленькие вещи девушке после первой встречи. Они еще даже не были женаты, но он уже забыл свою мать, будет ли она счастлива? Кроме того, этих вещей было немало, возможно, семья Чжао задумалась бы, если бы она и Баоцинь уговорили Чжао Наня на это. В то время, даже если бы семья Чжао была довольна Ду Баоцинь, у них все равно был бы узел в сердцах.

Видя, что эти двое зашли в тупик, она собиралась заговорить, когда услышала, как Цзян Жуй тихо сказала:

— Сначала отнеси это домой, будь то шарф или конфета, пусть тетя Чжао и Цяньцян выберут первыми, а остальное, если тетя Чжао попросит тебя подарить это мне, я приму, хорошо?

Чжан Сяохуа проглотила свои слова, услышав ее. Похоже, убеждать его не было необходимости. Ее слова, сто предложений, нельзя даже сравнить с одним предложением, которое тихо произнесла ее младшая невестка. Разве вы не видели, что, когда Чжао Нань уходил, он как будто парил?

Они сказали, что идут в кооператив снабжения и сбыта за вещами, но это был всего лишь предлог. После того, как Чжао Нань ушел, они тоже направились домой.

Как только они вернулись домой, Ван Тунхуа поприветствовала их с Сяо Шаньчжэ на руках: — Вы вернулись?

— Мы вернулись. Ты сегодня много работала, мама, — Чжан Сяохуа забрала свою дочь.

— Это моя старшая внучка, это было нетрудно, — Ван Тунхуа посмотрела на лица этих двоих и понизила голос: — Как все прошло, все прошло хорошо?

Цзян Жуй вошла в дом с опущенной головой, словно стесняясь говорить об этом: — Мама, я сначала вернусь в комнату и переоденусь.

— Все еще стесняешься, даже увидев друг друга? — Ван Тунхуа пошутила, затем спросила Чжан Сяохуа: — Скорее, скажи мне сейчас, не заставляй меня волноваться.

Чжан Сяохуа покачала Сяо Шаньчжэ на руках, улыбнулась и сказала:

— С внешностью и характером Баоцинь, как она может кому-то не нравиться? Не волнуйся, с

Чжао Нанем все в порядке, теперь мы должны посмотреть, что скажет семья Чжао.

— Хватит! — Ван Тунхуа радостно захлопала в ладоши: — С семьей Чжао не возникнет никаких проблем. Их семья беспокоится больше, чем наша. Твоя тетя Чжан давным-давно сказала мне, что, как только двое детей кивнут, дату свадьбы можно обсудить немедленно.

Закончив говорить, она потерла руки и пошла на кухню, готовая приготовить что-нибудь вкусное на праздничный вечер.

В комнате Ду Баочжэнь просматривала свое домашнее задание, сидя за столом перед окном. Когда она увидела Цзян Жуй, то отбросила книгу:

— Сестра, ты вернулась, в уездном городке весело?

— Все в порядке, довольно оживленно, — Цзян Жуй сняла новую одежду, которая была на ней, надела старую куртку с хлопчатобумажной подкладкой и, когда наклонилась, показала немного кожи вокруг талии, светлой и нежной.

Ду Баочжэнь немедленно наклонилась к ней:

— Сестра, когда ты успела так побелеть? У меня только что заслезились глаза.

— Зачем так преувеличено? Может быть, потому, что сейчас зима и мало солнца, — Цзян Жуй оттолкнула ее руку, которая собиралась потянуть за подол ее одежды: — Как твоя учеба? Скоро наступит Новый год, и в это время не будет так тихо, как сейчас.

Ду Баочжэнь потерла живот и выпятила губы: — Я всегда голодая, просто думая о еде, я вообще не могу сосредоточиться.

Она внезапно вдохнула и дважды понюхала Цзян Жуй. Она на мгновение закрыла глаза, затем открыла их и уверенно сказала:

— Это запах мяса, такой ароматный!

Цзян Жуй рассмеялась и постучала ее по кончику носа: — У тебя собачий нюх.

Ду Баочжэнь обхватила сестру руками: — Это мясо, это ведь мясо, правда? Сестра, что ты сегодня ела? Это вкусно?

— Да, это мясо. Я ела тушеную свинину с овощами-сливами, это очень вкусно.

— Я еще раз попробую понюхать, — Ду Баочжэнь прислонилась к ней с выражением тоски по мясу на лице, — Это Чжао Нань пригласил вас всех поесть? Кажется, что он неплохой.

— Он неплох, просто угостив меня мясом? — с улыбкой спросила Цзян Жуй.

Ду Баочжэнь утвердительно кивнула: — Это лучше, чем не есть мяса.

— Ладно, ты гурман, и мясо имеет первостепенное значение.

Ду Баочжэнь признала, хихикая, затем с жалостью к себе прикоснулась к своему животу:

— Мой бедный животик, я давно не видела мяса, я не знаю, узнает ли он мясо, когда я увижу его в следующий раз?

Цзян Жуй переоделась и вышла:

— Боюсь, даже если ты не сможешь вспомнить свою фамилию, ты все равно не забудешь о мясе.

— Хахаха, сестренка, ты так хорошо меня знаешь!

В соседней комнате Чжан Сяохуа кормила ребенка грудью, и Ду Баоцян, стоявший рядом с ней, спросил ее: — Какой он, Чжао Нань?

— Что насчет него? Он лучше тебя, — Чжан Сяохуа искоса взглянула на него.

Ду Баоцян не рассердился: — Разве ты раньше не говорила, что нехорошо быть с солдатом, я беспокоюсь о Баоцинь ...

— Зачем Баоцинь заставлять тебя волноваться? Кроме того, сейчас слишком поздно беспокоиться.

Сегодняшнее происшествие позволило Чжан Сяохуа ясно понять, что женитьба на Чжао Нань станет облегчением для Ду Баоцинь. В будущем она последует за ним в армию, и на улице будут только молодая пара. Им не нужно было бы прислуживать большой семье, и им не нужно было бы смотреть на лица своих родственников со стороны мужа. Она будет твердо держать Чжао Нань у себя в руках, у него были деньги, а у нее человек рядом, разве жизнь не счастливее, чем у императора? Боюсь, что остальные члены семьи не смогут угнаться за ней.

С другой стороны, Чжао Нань вернулся в дом Чжао и тоже был окружен группой людей.

После того, как Чжан Лиюнь отдала приказ, остальные отступили, и она начала допрос.

Сначала она посмотрела на Чжао Наня с головы до ног. Она знает своего сына, и, хотя на его лице не было никакого выражения, она все равно могла сказать, счастлив он или нет. Когда он уходил этим утром, он явно был немного неохотным и не очень счастливым. Но когда он только что вернулся, звук его шагов был другим. Очевидно, он вышел на некоторое время, и после того, как увидел девушку, теперь он был другим.

— Сначала поговори с мамой, ты же не сделал девочку несчастной сегодня, верно?

Чжао Нань, одетый в военную форму, сел на маленькую скамейку, вспомнил, затем покачал головой.

Чжан Лиюнь положила на стол несколько закусок и сказала:

— Что вы все делали сегодня? Давайте послушаем об этом.

Чжао Нань пересказал события одно за другим, начиная со встречи на обочине дороги утром и заканчивая совместной поездкой в автобусе, затем покупками в универмаге, а после – совместным ужином.

Услышав его рассказ о том, как он был в ресторане, Чжан Лиюнь спросила:

— Ты видел своего брата? Он вышел поздороваться?

— Да.

— Если бы ты был хотя бы наполовину так же хорош в умении говорить гладко, как он, мне не нужно было бы так сильно беспокоиться.

Чжан Лиюнь покачала головой и даже спросила, какие блюда он заказывал в ресторане. Наконец, она взяла матерчатую сумку, которую он принес обратно, и вынула содержимое. Когда она увидела, что все шарфы были женского фасона, а их было семь, в глубине души она поняла.

— Нашей семье, включая твою невестку, меня и Цяньцянь, понадобилось бы всего три, для кого ты купил остальные четыре?

Чжао Нань некоторое время молчал и, наконец, сказал: — Выбери три.

Чжан Лиюнь подняла брови и посмотрела на него:

— После того, как я выберу эти три, ты собираешься сразу же отправить остальные семье Ду?

Чжао Нань не ответил и тоже достал две упаковки конфет: — Возьми и сладости.

Чжан Лиюнь была зла.

Раньше ее сын не хотел жениться, и она беспокоилась. Теперь у него наконец-то появилась та, кто ему нравится, но он встречался с ней всего один раз, и все же он уже покупал вещи для другой девушки, и это было даже больше, чем те вещи, которые он покупал для дома. В будущем, когда невестка выйдет замуж, войдет ли в семью, останется ли место для нее, этой старой леди?

К счастью, он все еще знает, что когда он что-то покупал, то сначала должен был отнести это домой, позволить выбрать своей старой матери, а затем использовать остальное, чтобы доставить удовольствие девушке.

Но она подумала об этом снова, с жалкой житейской мудростью ума своего сына, мог ли он додуматься до этого? Может быть, это тоже было по указанию других?

Чжан Лиюнь беспомощно вздохнула, и ей оставалось только сказать себе: забудь об этом, воспитание сыновей и дочерей сводилось к выплате долгов. Когда они вырастут, долг не будет считаться погашенным, пока они не пожениются и не заведут детей. Ожидая от них взаимности, было бы лучше выращивать сладкий картофель!

Однако, думая об этом таким образом, она все равно безжалостно убрала все шарфы и конфеты. Встретившись взглядом с Чжао Нанем, она бесцеремонно усмехнулась:

— Чего ты на меня смотришь? У тебя, вонючий мальчишка, еще будет время, когда тебе понадобится использовать меня. Теперь ты хочешь пойти в чей-то дом, чтобы проявить вежливость, ты даже не договорился о свидании, и тебе все еще нужно было узнать, позволят ли тебе другие. Если бы я не проявила инициативу навестить их и поговорить о твоем браке, не помогла бы вам двоим сойтись, была бы у вас невестка, на которой ты мог бы жениться? Мечтай дальше.

Чжао Нань смотрел, как его мать все убирает, некоторое время сидел в одиночестве, затем молча встал, чтобы наколоть дров.

В комнате Чжао Цяньцянь с ириской во рту некоторое время смотрела во двор через окно,

затем повернулась к Чжан Лиюнь и сказала:

— Мама, Второй брат ведь не рассердится, правда?

— Он осмелится? — Чжан Лиюнь не подняла головы, просматривая шкаф в поисках дат их рождения и восьми знаков: — Говорят, что прилив меняется. Прошлой ночью я пошла на многое, чтобы познакомить его с другой стороной. Сегодня его очередь умолять меня. Если он посмеет так ко мне относиться, я буду холодна к нему еще два дня, и мы посмотрим, он торопится или я тороплюсь.

Чжао Цяньцяннь высунула язык и прошептала:

— Имбирь постарше более острый, не может позволить себе обидеть.

Чжан Лиюнь оглянулась: — Не думай, что твоя мать слепая и глухая, я еще не старая. И ты, маленькая девочка, кем бы ты ни была в будущем, возвращайся домой, вежливо подай своей маме чай, помассируй мне плечи, разомни мои ноги. Когда ты сделаешь меня счастливой, я подумаю, одобрять твой брак или нет.

— Мама, ты старая леди феодального общества! — Чжао Цяньцяннь потеряла дар речи.

— Я бы предпочла быть той старой леди, кто не радуется глаз, будет подчиняться семейному закону, а те, кто не подчиняется, будут покорены один за другим, посмотрим, кто посмеет так ко мне относиться.

Чжао Цяньцяннь похлопала себя по маленькой груди и покачала головой, чувствуя, что ее мать была немного одержима. Снова оглянувшись, она увидела своего второго брата, который во дворе рубил дрова, как тофу, и она снова покачала его головой. Похоже, что эта будущая вторая невестка была интересной, только после одной встречи околдовала их обоих.

Чжан Лиюнь наконец нашла восемь знаков, и когда она увидела, что Цяньцяннь качает головой и что-то бормочет, она подошла и щелкнула ее по лбу:

— О чем ты бормочешь, иди во двор и скажи своему второму брату, чтобы он перестал рубить, земля в нашем доме не такая прочная, боюсь, он расколется.

Когда она повернулась, то снова пробормотала:

— Если бы у него была повреждена рука, разве это не огорчило бы эту старую мать? Если у тебя есть способность, иди прикидывайся дурачком перед девушкой, если ты способен заставить людей чувствовать себя огорченными и волноваться, тогда это навык.

Она взяла красную бумажку и посмотрела на нее, планируя пойти в дом Ду после наступления темноты. Ее сын был достаточно взрослым, и его нельзя было держать рядом с ней, самое главное, его нельзя было удержать на крючке у других, и его уже украл.